

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ ДОМА В.Б. ТОЛСТОГО

АРХИТЕКТОР П.Т. БОРТНИКОВ

1773 г.

История домовладения 27 известна с середины XVIII в. В 1750-е годы участок принадлежал статскому советнику, полковнику Василию Борисовичу Толстому (1706-1790). Его участок, находящийся в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Кобыльском в 9-й команде, за Земляным городом впервые упоминается в фондах Московской Управы Благочиния.

Соседями Толстого были генерал-майор Иван Иванович Оленин, капитан Загряжский и подполковник С.П. Кологривов.

Планировка усадьбы была характерна для эпохи раннего московского классицизма.

В центре двора стоял главный жилой дом - небольшой деревянный особняк, а по бокам его находились два деревянных хозяйственных строения. Перед домом был большой двор, а позади его разбит сад большой с кузницей, оранжереей летней и зимней отапливаемой. Такие же усадьбы были и у соседей, у большинства домовладельцев Москвы XVIII века)

В августе 1773 г. в усадьбе В.Б. Толстого произошел крупный пожар, который уничтожил не только постройки двора, но также задел соседние владения. 4 сентября 1773 г. В.Б. Толстой подает прошение в Московскую Полицмейстерскую канцелярию о новом строительстве. На территории предполагается построить: жилые каменные палаты в два этажа, жилые деревянные покои для прислуги, кухню с приспешною избой и сенями, баню с предбанником, погреб с напогребницею и амбар.

Чертеж был подписан архитектором Петром Федоровичем Бортниковым, исполнявшим в 1767-1785 гг. обязанности «архитектора 1-го класса помощника» в московской полицмейстерской канцелярии. Поэтому считается, что новый дом Василию Борисовичу построил именно этот архитектор.

С тех самых пор усадьба приняла тот вид, который она имела вплоть до 1930-х годов, а главный дом так и по сию пору.

На месте сгоревшего главного дома в центре парадного двора был построен новый каменный двухэтажный особняк, больший по габаритам. В плане новый дом имел прямоугольную форму и был ориентирован главным фасадом на проезд возле Земляного города. По красной линии улицы симметрично друг относительно друга были построены жилая изба для прислуги и погреб с напогребницею. Позади дома также симметрично стояли кухня и баня, далее до Сусального переулочка простирался большой сад с построенными ранее и несгоревшими в пожаре деревянными садовыми постройками.

На парадном фасаде был сделан небольшой ионический пилястровый портик, ему отвечали пилястры обрамляющие крайние пары окон. (сам портик не сохранился, но пилястры остались до сих пор). Садовый фасад более сложно декорирован. Под карнизом выраженные сухарики, окна имеют сложные накладки. Центр отмечен полукруглыми окнами и ажурным балконом на мощных белокаменных кронштейнах. Он сохранился до сих пор и считается уникальным.

Есть предположение, что с него был выход в сад у Толстых. С этого балкона открывался потрясающий вид на Лефортово, Разгуляй и дальше на Сокольники.

Дом стоит на высокой точке Земляного вала, высоком берегу Яузы. Старые мастера и хозяева старались сделать красивые виды из окна. Кстати этот вид дал повод придумать легенду, что Наполеон стоял на этом балконе и смотрел на горящую Москву.

Считается, что прототипом дома В.Б. Толстого послужил особняк графа И.С. Гендрикова на Садовой-Спасской улице 1 (Спасские казармы), которые были построены на несколько лет ранее, но также имеют своеобразную композицию в виде прямоугольника с двумя торцевыми выступами. Внутреннее строение особняка было традиционным. Парадная анфилада находилась на втором этаже, куда вела красивая двухмаршевая лестница в центре особняка. От первоначальной отделки интерьеров частично сохранилась планировка помещений и фрагмент росписи в одной из залов парадной анфилады.

Хозяина особняка часто путают с его тезкой из графской линии дома. Василий Борисович Толстой происходил от старшей не графской линии - он внук Ивана Андреевича Толстого. А графское достоинство от Петра I получил его младший брат Петр Андреевич от которого произошли его правнуки... граф Алексей Константинович и Федор Иванович "Американец" и даже ... Лев Николаевич Толстой.

Иван Андреевич Толстой

Борис Иванович Толстой (1686 - 1752) жена Мария Фёдоровна Зелёная.

Василий Борисович (1709 - 1790) женат на Дарье Никитичне Змеевой (1713 - 1791)

Их дети:

1. Александр Васильевич Толстой (ум. 17 мая 1815) + Елизавета Васильевна Скворцова

Их дочь Вера Александровна была замужем за Петром Никифоровичем Ивашевым – их сын декабрист Василий Петрович Ивашев, что был женат на Камилле Ле Дантю, которая последовала за ним в Сибирь

2. Мария Васильевна Толстая (ум. в октябре 1812)

3. Наталья Васильевна Толстая (ум. 3 января 1807)

4. Николай Васильевич Толстой (ум. 21 июля 1774)

5. Варвара Васильевна Толстая (ум. 4 января 1812)

6. Прасковья Васильевна Толстая (ум. в 1802)

7. Анна Васильевна Толстая (Остерман) (р. 26 февраля 1732 ум. 4 июня 1809), замужем за графом Федором Андреевичем Остерманом

8. Лев Васильевич Толстой (1740 - 1816) женат на Екатерине Михайловне Римской-Корсаковой

Василий Борисович и Дарья Никитична Толстые похоронены в Новодевичьем монастыре.

Андрей Иванович Толстой (другой сын Ивана Андреевича) – прадед Льва Николаевича

Отец его Борис Иванович был симбирским воеводой (уп. 1752) в чине полковника. Женат он был на Марии Фёдоровне Зелёной, наследнице села Ундоры, которое с тех пор находилось в роду Толстых. Сам Василий Борисович был женат на Дарье Никитичне Змеевой. У них в этом доме родилось и выросло 8 детей:

Дочь Анна, которая была замужем за графом Федором Андреевичем Остерманом, знаменитым государственным деятелем времен Елизаветы Петровны и Екатерины Великой.

Марфа Васильевна – девица.

И три сына: Николай, замученный пугачевцами, Александр - симбирский губернатор, дед декабриста В.П. Ивашева и Лев.

Лев Васильевич Толстой, действительный статский советник, женат на Екатерине Михайловне Римской-Корсаковой. Она умерла молодой оставив сиротами двух девочек Надежду, вышедшую замуж за Завалишина - двое ее сыновей стали декабристами, и Екатерину, которую отец отдал на воспитание сестре Анне Остерман, впоследствии вышедшую замуж за Ивана Тютчева и ставшей матерью знаменитого поэта Федора Ивановича Тютчева.

Таким образом, из этой семьи вышли три видных декабриста и скорее всего дом этот всех их видел у прадедушки с прабабушкой.

От его сына Павла пошла ветвь Толстых-Милославских, уже после революции, получивших графский титул. Так что в этом доме, в саду гуляла мама Тютчева.

После смерти В.Б. Толстого и его супруги в 1790 и 1791 году дом унаследовала их старшая дочь Марфа Васильевна Толстая. Соседями Марфы Васильевны по-прежнему были известные фамилии московской знати - тайный советник и кавалер Иван Борисович Пестель и князь Борис Петрович Козловский. После кончины Марфы Васильевны в 1808 году ее наследники продали усадьбу купцам Борисовским, которые владели ею до 1906 года, почти 100 лет.

Семья купца Мартемьяна Ивановича Борисовского

Чем занимались Борисовские в начале своей деятельности – в конце XVII - начале XVIII века – точно неизвестно. Есть предположение, что они, как и многие, начинали с откупов. Они владели сахарной фабрикой в Яузской части на берегу реки, были крупнейшими оптовыми торговцами сахаром и чаем как в Москве, так и в Петербурге. А вот потом Мартемьян Иванович Борисовский с сыновьями Никанором и Иваном были создателями Торгового Дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями».

В 1849 году они купили полотняную фабрику в Переславле-Залесском у известного московского купца Куманина и сделали из нее первоклассную бумаготкацкую фабрику. На ней

выделовалось до 100 пудов пряжи в день - колоссальный объем. 800 рабочих, 4 мастера англичанина. Большое производство.

В 1861 году Никанор и Иван купили земли на Украине около Дружковке и стали выращивать сахарную свеклу. В 1881 году открыли там еще и сахаро-рафинадный завод. Уже в 1882 г. завод переработал около 20 тысяч тонн свеклы.

Интересно, что сестра Никанора и Ивана - Мария Ивановна Борисовская вышла замуж за Назара Ивановича Хлудова, брата знаменитых Алексея и Герасима, которые тут неподалеку и жили потом. Внучка, Назара Ивановича Хлудова и Марьи Ивановны Борисовской, Надежда Николаевна сначала была замужем за Алексеем Алексеевичем Абрикосовым (сыном известного фабриканта), а потом ушла от него к чешскому политическому деятелю Карелу Крамаржу. Иван Мартемьянович был женат на Надежде Михайловне Митюшиной. На плане 1852 года усадьба ее брата занимает кусок усадьбы Борисовских со стороны Сыромятников. Борисовские редко появляются на страницах воспоминаний жителей Москвы 19 века.

Найденов Н.А. упоминал Борисовского в связи с громким делом Ссудного Банка.

Более подробно о них написал Н.А. Варенцов в своей книге «Слышанное, виденное, передуманное, пережитое»:

"Братья Борисовские были очень богатые люди, имели сахарорафинадный завод в Сокольниках и бумагопрядильню в г. Переславле. Сахар их на рынках особенно ценился из-за хорошего качества.»

Старший брат, Мартемьян Мартемьянович, жил в своем большом особняке у Курского вокзала на улице Садовой, младший, Никанор, тоже на Садовой, у Красных ворот в своем особняке. (тут он перепутал у Курского жил Никанор, а у Красных ворот Александр).

Я вспоминаю: как-то, еще, будучи юношей, мне пришлось ехать в конке мимо дома Никанора Мартемьяновича.

Сидели со мной рядом какие-то обыватели, о чем-то разговаривающие, вдруг один из них обратил внимание других, сказав: «Едем мимо трех китов московских!» — «Каких?» — спросили другие.

«Налево живет Сергей Владимирович Алексеев, а направо Н.М. Борисовский, а в переулке А.И. Хлудов».

Борисовские были гордые и надменные люди во время их благополучия, когда все благоприятствовало их успеху. Приблизительно в начале восьмидесятых годов того столетия цена на сахар дошла до кульминационной точки, чувствовалось, что дальше этого цена перешагнуть не может.

В это время к Борисовским явился известный биржевой маклер по сахару Фрейтаг с предложением продать всю годовую выработку рафинада одному киевскому купцу и одновременно купить через него у Бродского — так называемого «песочного сахарного короля» — на весь год сахарного песку, с тем чтобы покрыться на весь год сырьем;

Бродский за свой песок назначал цену умеренную. Борисовским такая операция понравилась: у них оставалась хорошая польза и они помещали весь сахар в одни руки, с получением задатка в 200 тысяч рублей, с ежемесячным расчетом за высылаемую партию. Дело состоялось.

От Бродского сахарный песок начал поступать на завод братьев Борисовских; еще не успела выйти первая партия рафинада, как было получено письмо от киевского покупателя с извещением, что, по случаю изменившихся обстоятельств, он сахар просит в Киев не отправлять, так как от сделки своей отказывается и 200 тысяч рублей, оставленных им в задаток, просит оставить в свою пользу и этим считает сделку законченной.

Его отказом Борисовские были поставлены в большое затруднение:

купленную партию песку от Бродского они должны получать и за нее платить деньги, а рафинад, получаемый из него, продать не представлялось возможным вследствие сильного понижения на него цены.

Борисовские послали доверенного в Киев узнать: не представляется ли возможным привлечь к судебной ответственности их киевского покупателя и получить с него за тот убыток от отказа его принимать сахар. Доверенный нашел покупателя, живущего в тяжелых условиях в одной маленькой комнате, с железной кроватью, с простым столом и стулом и не имеющего больше никакого состояния.

Покупатель объяснил доверенному, что он совершенно разорен взносом Борисовским 200 тысяч; сахар в цене начал падать, и разницу в цене ему платить нечем. Доверенный узнал от своих знакомых, что этот покупатель был раньше простым фактором, никогда средств не имел, и они удивлялись, что он мог внести 200 тысяч рублей, когда всегда нуждался в копейках.

Но когда доверенный рассказал им подробно об этом деле, то они сказали ему:

«Теперь история для нас понятна: несомненно, Бродский предвидел понижение цены на сахар и, как ловкий комбинатор, предложил этому фактору, понятно, за небольшую плату, проделать всю эту историю и тем положив в свой карман сумму, гораздо большую, чем выкинутые им 200 тысяч рублей». Цена на сахар между тем все понижалась и понижалась, и братья Борисовские понесли на нем убытка несколько миллионов рублей; к тому же незадолго до этой истории ими было куплено на юге России громадное лесное имение, куда они затратили большие деньги, между тем имение доходом себя не окупало. Эти обстоятельства создали заминку в делах братьев Борисовских, и им пришлось приостановить платежи.»

Баланс Борисовских показывал, что дело их только во временном затруднении, и если кредиторы согласятся отсрочить платежи на некоторое время, то дело могло бы совершенно исправиться.

Для обсуждения этого вопроса кредиторы собрались в доме Н.А. Найденова. Они высказались за возможность отсрочки, но при условии, если на это последует согласие со стороны всех кредиторов.

Один из них, Гуго Максимович Вогау, категорически отказался отсрочить; как говорили, причина его нежелания была из-за конкуренции с Борисовскими, так как Вогау участвовал в другом рафинадном заводе и ему было желательно избавиться от опасного конкурента, и своим несогласием он сорвал соглашение.

В то время, когда происходило это совещание, в кабинете Найденова сидел Никанор Мартемьянович Борисовский, ожидая с трепетом решения своей участи.

Найденов пошел сообщить ему о решении их. Он, выслушав, сильно побледнел и упал на пол без чувств.

Учрежденная администрация над делами братьев Борисовских повела дело, как подобает лицам, перегруженным личными делами, с полным желанием скорее разделаться с навязанным им делом. Сахарный завод был приостановлен и долго стоял с забитыми дверями, постепенно разрушаясь, киевское имение было продано, прядильня в Переславле была передана товариществу с новыми пайщиками. Переславская мануфактура сделалась нашим покупателем, куда я захаживал.

Мне пришлось познакомиться с Никанором Мартемьяновичем Борисовским, этим бывшим гордым и надменным человеком, сделавшимся в ней простым служащим.

Все бывшие дурные черты его характера исчезли, он удивлял меня своей кротостью и терпением, внушал мне сильное к нему сожаление, особенно когда приходилось присутствовать при покрякивании его настоящего хозяина Алексея Михайловича Первушина, вышедшего из простых приказчиков.

Первушин не стеснялся на этого почтенного человека, бывшего хозяина и создателя дела, при посторонних раздраженным голосом говорить: «Ах, Никанор Мартемьянович, опять входите не вовремя!» или «Вам, Никанор Мартемьянович, никакого дела нельзя поручить, всегда напутаете!» — и тому подобное.

Мне в это время был противен Первушин со своим плотоядным лицом за его нечувствительность к положению другого — что должен был в это время переживать Борисовский? Недаром духовная философия придает большое значение страданиям, выпадающим каждому человеку в его жизни; она считает, что без страдания человек не может подойти к сфере более тонких и нежных ощущений духовного мира. Мне невольно приходят на память стихи Апухтина:

Ты здесь найдешь опять все счастье прежних лет,

И ласки, и любовь, и даже то страданье,

Которое порой гнетет существованье,

Но без которого вся жизнь — бессвязный бред.

У Никанора Мартемьяновича был сын по имени Мартемьян, я с ним был знаком, ему приходилось ко мне заходить в качестве служащего Переяславской мануфактуры. Он был помощником по приемке хлопка, не отличавшимся простыми, элементарными правилами честности, свойственными людям, вышедшим из культурной семьи. Потом он прославился тем, что, ухаживая за барышней из хорошей семьи, отправился показывать ей вид на Москву с колокольни Ивана Великого, но произвел то, что не подобает делать в таком чтимом месте; после чего постарался отделаться от нее, но, припугнутый ее родителями, принужден был жениться на ней.

С братом Никанора Мартемьяновича я не был знаком, но с сыном его Евгением Мартемьяновичем вместе учились в Императорском Техническом училище. Он был стройный, красивый молодой человек, всегда отлично одетый. Приезжал и уезжал всегда на роскошном рысаке. Скоро училище он покинул. В детстве и в юности он хорошо учился и отлично вел себя, подавая родителям надежду, что из него выйдет достойный и полезный человек.

После смерти его матери отец его, Мартемьян Мартемьянович, женился вновь на француженке, бывшей гувернантке сына; и она была виновницей, что своего пасынка сбила с истинного пути. Мачеха снабжала его в изобилии подарками и деньгами, прикрывая все его шалости, не свойственные его годам, боясь, что он может рассказать отцу о его близких отношениях с ней. Она окончательно развратила молодого человека, и из него получился отвратительный тип. После смерти отца, когда он достиг совершеннолетия, получил деньги своей умершей матери. Быстро их промотал, после чего уехал в Париж, где сделался шофером такси."

В 1871 году Мария Ивановна Борисовская (именно она значится как хозяйка) с супругом Никанором Ивановичем капитально перестроили особняк.

Заново в модном стиле была переделана парадная лестница. Стены ее отделали под мрамор итальянской штукатуркой. Лестница в середине здания и не имеет окон для освещения. Над ней был сделан световой фонарь в виде шатра под четырехскатную кровлю, который освещал помещение лестницы через стеклянный потолок и чердак и в то же время являлся своеобразным завершением дома. Все комнаты анфилады второго этажа были заново отделаны. Сделана потрясающей красоты лепка на потолках. Она разная во всех комнатах, но вместе с тем очень тонкая, совсем не "купеческая"

На плане 1871 г. главный дом показан с многочисленными пристройками: вход со стороны главного фасада оформлен деревянным тамбуром, на углу южного фасада был еще один вход с деревянным крыльцом, в сад выходило высокое каменное крыльцо, там же были спуск в подвал.

В 1906 году Борисовским пришлось расстаться с особняком. Они продали дом Московско-Курской железной дороге. Хотя объявление о банкротстве было дано только в газете за 1910 год. Там размещалось ее правление.

После революции дом был разделен на коммунальные квартиры, доставшиеся советским служащим. Большие залы поделили, некоторые вообще перепланировали, что видно по кусочкам лепнины, вдруг появляющихся в некоторых кабинетах.

В 1932 году оба флигеля, выходившие фасадами на красную линию улицы и ограду, снесли, убрав перед оградой палисадник. На этом месте был возведен многоэтажный квартирный дом для работников железной дороги. Часть сада дом лишился еще в 19 веке, когда по нему пролегла железная дорога. В 1970 году всех жителей бывшей усадьбы переселили, в доме была проведена реставрация.

С 2010 г. и по настоящее время в старинном особняке размещается Дом культуры «Гайдаровец».